

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА
КАК ИНТЕРТЕКСТЕМА В СОВРЕМЕННОЙ
АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ**Е.С. Еремина, Н.А. Лаврова**

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время теория интертекстуальности стала одним из направлений изучения текста в современной филологии. Включение фразеологических единиц в состав интертекстем обогащает понятие интертекстуальности, что, в свою очередь, способствует росту потенциала фразеологических единиц в современном английском языке. Фразеологизмы, выступая в качестве интертекстем, используются многими авторами для передачи различного типа информации, прежде всего, культурологической за счет активации тезаурусных знаний у реципиента. Цель статьи — расширить представление о понятии фразеологической интертекстуальности и той роли, которую она играет в поэтическом тексте, в частности, показать, что фразеологические интертекстемы в поэзии носят неоднородный характер и требуют различной степени активации фоновых знаний читателя. В ходе исследования были выделены две группы фразеологических единиц: библеизмы и шекспиризмы.

Ключевые слова: текст, интертекстуальность, интертекст, интертекстема, фразеологическая единица, поэзия.

340

PHRASEOLOGICAL UNITS AS INTERTEXTUAL ELEMENTS
IN MODERN AMERICAN POETRY**E.S. Eremina, N.A. Lavrova**

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that at present the theory of intertextuality is one of the main directions of study in modern philology. Inclusion of phraseological units in a number of intertextual elements enriches the concept of intertextuality, which in turn contributes to the

© Еремина Е.С., Лаврова Н.А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

growth of potential of phraseologisms in modern English. Phraseologisms acting as intertextual elements are used by many authors to transfer various types of information, primarily culturological information through the activation of readers' thesaurus knowledge. The aim of the study is to broaden the understanding of the concept of phraseological intertextuality and the role, which it plays in poetic texts, in particular, to show that phraseological intertextual elements are heterogeneous in modern American poetry and they require different degrees of activation of readers' background knowledge. The study identifies two groups of intertextual phraseological units: they are biblical phraseological units and Shakespearean phraseological units.

Keywords: *text, intertextuality, intertext, intertextual element, phraseological unit, poetry.*

В XIX в. научное лингвистическое знание было немислимо без диалога эпох и отдельных творческих личностей, диалога идей и концепций, образов и сюжетов, жанровых и родовых форм, результатом которого было образование новых идей, вновь вступающих в этот бесконечный диалог. «Чужое» слово стало выступать в качестве начала поиска и уточнения «своего».

В 60–70-е годы XX в. одним из направлений изучений фразеологии становятся интертекстуальные исследования, которые находят свое дальнейшее развитие в трудах Р. Барта, О. Ронена, Ж. Леви-Стросса, Р. Якобсона, М. Фуко, У. Эко, Б.М. Гаспарова и ряда других ученых. Исследование любого текста с позиции теории интертекстуальности способствовало экспликации дополнительной информации для постижения глубинного смысла текста.

Основу интертекстуальных исследований в отечественной науке заложил А.Н. Веселовский (1838–1906), автор фундаментального труда «Историческая поэтика», который впервые установил связь и зависимость между

смысловой структурой художественного текста, механизмами памяти человека и культурной традицией.

В 60-е гг. XX в. ведущей парадигмой научного лингвистического знания стала системно-структурная парадигма, основателем которой в Европе считается швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857–1913). Теория анаграмматического текста Ф. де Соссюра стала одним из источников интертекстуальности, в которой анаграмма подразумевает способность языка разделяться на первичные единицы, из которых можно составить новые слова с новым смыслом. Так, Н.В. Худолеев отмечает, что принцип анаграммы, о котором говорит Ф. де Соссюр в своих поздних работах, «...сопричастен такому принципу построения текста, когда цитируемый текст вводится в новый текст не явно, требуя дальнейшего своего распознавания» [1, с. 196].

Значительное влияние на разработку теории интертекстуальности в контексте структурализма и постструктурализма оказали идеи К. Леви-Стросса, который полагает, что язык и культура являются результатом рабо-

ты человеческого сознания, а сама культура обладает строением, подобным строению языка [2, с. 66–79].

Идеи М.М. Бахтина изменили представление о монологичности и диалогичности текста. В рамках теории полифоничности М.М. Бахтин говорит о том, что не существует изолированного высказывания, «оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [3, с. 340].

В конце 1960-х гг. термин «интертекстуальность» был введен в научный обиход французским теоретиком постмодернизма Юлией Кристевой. В результате переосмысления труда М.М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», вышедшем в 1924 г., Ю. Кристева предлагает свою концепцию интертекстуальности и в 1967 г. в своей статье «Бахтин, слово, диалог и роман» впервые употребляет этот термин.

По мнению Ю. Кристевой, *интертекстуальность* (от лат. *intertexto* «вплетать в ткань») — это текстуальная интеракция, «...которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность — это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [4, с. 48].

Делая предметом своего изучения слово, Ю. Кристева считает, что оно должно рассматриваться в двух плоскостях:

- *горизонтальной*, где «слово в тексте одновременно принадлежит и субъекту письма, и его получателю»;
- *вертикальной*, когда «слово в тексте ориентировано по отношению к совокупности других литературных текстов — более ранних или современных» [5, с. 429].

Что же касается термина *интертекст*, то, с точки зрения Н. Пьеге-Гро, — «это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты)» [6, с. 48].

Единицей интертекста выступает *интертекстема*, определяемая К.П. Сидоренко следующим образом: «единица интертекста, функционально ориентированная межтекстово, представитель претекста, межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста — смысловой, грамматической, морфологической, синтаксической, лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, — вовлеченный в межтекстовые связи» [7, с. 143].

Под интертекстемой, по мнению И.В. Арнольд, понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [8, с. 346].

Стоит также отметить, что сегодня интертекстуальность изучается на материале самых разных текстов, например, художественных [Снигирев, 2000; Воскресенская, 2004; Зверькова, 2004; Петрова, 2005; Высочина, 2007; Яковлев, 2011], поэтических [Федорова, 1999; Ревякина, 2004; Сатретдинова, 2004], юридических [Коновалова, 2008; Богатырев, 2016], рекламных [Терских, 2003; Лукшик, 2012] и многих других.

Итак, возникает вопрос: «Может ли фразеологическая единица вы-

ступать в качестве интертекстемы?» Чтобы ответить на данный вопрос, рассмотрим мнения ученых.

Если исходить из той точки зрения, которую предлагает В.М. Мокиенко, то для того чтобы выделить интертекстему как особую единицу языка, необходимо учитывать три категориальных признака в их совокупности:

1) **авторство**, осознаваемое в разной степени;

2) **воспроизводимость**;

3) **интертекстуальность**, т.е. «способность служить строевым элементом текста, маркируя его семантически (на уровне концептов и символов) или стилистически» [9, с. 15].

Представляется, что фразеологическая единица обладает всеми данными признаками по следующим причинам. Во-первых, автором фразеологической единицы может выступать народ. Так, по мнению М.Ю. Илюшкиной, источником происхождения фразеологической единицы выступает традиционная культура или какой-либо текстовый источник [10, с. 82]. Во-вторых, автором фразеологизма может быть писатель, деятель искусства, политик и т.д. Кроме того, фразеологическая единица выступает в качестве речевого произведения, которое не создается заново в речи, а воспроизводится уже в готовом виде. Так, например, В.П. Жуков под воспроизводимостью понимает регулярную повторяемость, «...возобновляемость в речи языковых единиц разной степени сложности, т.е. неоднородных, разнокачественных образований», среди которых и фразеологические единицы [11, с. 5]. Таким образом, фразеологические единицы фиксируют оп-

ределенную информацию и передают ее в виде ряда характеризующих ценностей и взглядов народа. Наконец, фразеологическая единица обладает интертекстуальностью, т.к. может выступать в качестве строевого элемента в тексте, в том числе придавая тексту свои семантические и стилистические особенности. Так, Е.В. Рыжкина считает, что фразеологические единицы по своей природе являются единицами интертекстуальными, так как семантика многих фразеологизмов формируется за счет ассоциативных связей с теми или иными прецедентными текстами. Исследователь отмечает и то, что фразеологизмы могут стать звеном в абсолютно любом новом тексте, создавая при этом определенное приращение смысла [12, с. 839].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фразеологическую единицу следует включить в ряд интертекстем, так как она обладает тремя категориальными признаками в их единстве.

В 246 стихотворениях (87 стихотворения с сайта [all.poetry.com.](http://all.poetry.com), 85 стихов с сайта poets.org и 74 стиха с сайта [booksie.com.](http://booksie.com)) было найдено 148 фразеологических единиц (отобранных методом сплошной выборки), из которых 67 фразеологизмов представляют собой интертекстемы. Данные фразеологизмы-интертекстемы были подразделены на две группы.

Первую группу составляют интертекстуальные фразеологические единицы, источником которых выступает Библия:

1) Одним из наиболее частотных библейских фразеологизмов является фразеологизм *forbidden fruit*, апеллирующий к знанию библейско-

го сюжета о Древе познания добра и зла. Первый человек Адам был предупрежден, что вкушение плодов с Древа познания добра и зла ведет к смерти (Быт. 2:17). Сотворенная из ребра Адама Ева в результате диалога со змеем, вкусила запретный плод от Древа познания добра и зла и дала есть Адаму (Быт. 3: 1–6). Образ «запретного плода» часто используется авторами в современной американской поэзии: ср.

(1) all the *forbidden fruit* I ever
dreamt of — or was taught to
resist and fear — ripens and
blossoms under the palms of my
hands as they uncover and explore
you — and in the most secret
corners of my heart as it discovers [13].

(2) The feelings are churning
Making me feel weak
This *forbidden fruit*
Is what I'm meant to seek [14].

2) В следующем стихотворении встречается фразеологизм библейского происхождения *the land of Nod*, интерпретация которого требует активации в большей степени языковых, а не экстралингвистических знаний. Вследствие ложной этимологии данный фразеологизм часто связывают с английским глаголом *to nod* «кивать», «дремать», хотя в действительности он не связан с ним по происхождению. Значение библейского слова *nod* (ивр. נֹד) восходит к глаголу *wander* (ивр. נָדַד) «странствовать», а в Библии *the land of Nod* известна как «Страна странствий» — место, куда был изгнан Каин (Быт. 4:16). Поскольку английское существительное *nod* означает «дремота» и *Nod* — это название би-

блейской земли, в результате обыгрывания данных слов, основанном на одинаковом звучании, возник фразеологизм *the land of Nod* со значением «страна сновидений», «царство сна» (ср. русск. «объятия Морфея») [15, с. 117]. Данное выражение было создано Джонатаном Свифтом в произведении «*Polite Conversation in Three Dialogues*» («Вежливые беседы»): ср.: «I am going to *the Land of Nod*» (dialog. III) [там же]. Таким образом, активация фоновых знаний требуется для установления этимологии данного фразеологизма, но не для понимания его значения.

В стихотворении «*The Star named Betelgeuse*» поэта Стивена Шпелера о самой яркой звезде в созвездии Ориона — Бетельгейзе, представляющей собой красный сверхгигант. В отличие от других сверхгигантов, Бетельгейзе слишком быстро расходует свое ядерное топливо. Это означает, что звезда находится на завершающей стадии своей эволюции, о чем с грустью и повествует автор, сожалея о том, что звезда, которая на протяжении многих веков светила ярким мерцающим светом, может погрузиться в царство сна: ср.

A supergiant star, a scarlet god,
That's reigned as ruby in Orion's belt,
Now, through the ages, have all peoples felt
When looking up to thee, from where
we've trod?
For ages, we have gazed high, barely shod,
To watch thee, and perhaps at times
have knelt,
Believing once, wherever we have dwelt,
That thou wouldst last beyond *the land
of Nod* [14].

Вторую группу составляют фразеологизмы, отсылающие к произволе-

ниям У. Шекспира. Для контекстуальной интерпретации фразеологизмов *rhyme or reason* и *out of season* требуется активация фоновых знаний о комедии У. Шекспира «*Comedy of Errors*» («Комедия ошибок»): ср.:

DROMIO OF SYRACUSE:

Was there ever any man thus beaten
the bow —
out of season.

When in the why and the wherefore
 is *neither rhyme nor reason?*
 (act. II, sc. 2).

Поскольку в контексте стихотворения «*A Bucket of words*» речь идет о возвращении редактором неудачной рукописи лирическому герою, поэт апеллирует к фоновым знаниям читателя о произведениях У. Шекспира, не просто талантливого, но гениального поэта Великобритании, которому он противопоставляет лирического героя. Повествование автора о покупке слов на рынке символизируют механический характер написания рукописи героем: ср.:

I went to the muse market
 bought myself a bucket of words;
 just a pail full of random nouns,
 verbs, adjectives, pronouns and such.
 Too cheap to purchase any *rhyme*
or reason
 (too expensive and *out of season*),

I struggled home with my overflowing
bucket
 balanced on my hip, splash-splashing
 similes and metaphor all along my path.
 <...>

Later that night, I took a ladle, dipped
 me a spoonful of now soggy words,
 carefully pouring them upon the
 withered sheet of paper splayed across
 my wooden desk.

I sponged off the excess dribble and
 let the rest dry freely in the night air.
 The next morning, I rolled up the paper,
 tied it with a black ribbon,
 and sent it to my editor.
 He sent it back the following week,
 now tied with a red ribbon and
 a matchstick tucked neatly beneath
the bow —
 both attached to a bigger bucket [14].

Одним из наиболее известных шекспиризмов является фразеологизм *the green-eyed monster*, выполняющий номинативно-экспрессивную функцию и имеющий значение «ревность». Данный фразеологизм используется в пьесе «*The Tragedy of Othello, The Moor of Venice*» («Отелло, венецианский мавр») Уильяма Шекспира в монологе Яго, который предупреждает Отелло о последствиях ревности, ср.:

YAGO. O! beware, my lord, of jealousy.
 It is *the green-ey'd monster* which
doth mock
 The meat it feeds on ... (act. III, sc. 3).

В контексте произведения читатель понимает, что Яго неискренен и использует свое предупреждение с целью манипуляции Отелло, надеясь, что его ревность усилится после таких слов.

В стихотворении «*The Green-Eyed Monster*» поэт персонифицирует ревность, она описывает свои ощущения и состояния с преобладающими эмоциями негативного спектра, такими как гнев, ярость, злость и ненависть, которые несут в себе разрушительный характер. Такие смысловые компоненты, как *blind*, *pain* и *death* являются доминирующими в семантическом пространстве данного сти-

гические единицы, выступающие в качестве интертекстем; 2) изучение структурных типов интертекстуальных фразеологизмов в современной американской поэзии; 3) определение функций фразеологизмов-интер-

текстем в современной американской поэзии; 4) проведение сопоставительно-типологического исследования интертекстуальных фразеологических единиц в современной американской и британской поэзии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Худолей, Н.В.* Интертекстуальность и интертекст как феномены художественной коммуникации: теоретический аспект, Тамбов. Грамота. 2015. № 11 (61). Ч. I. С. 195–198.
2. *Levi-Strauss C.* Structural Anthropology / Translated from the French by Claire Jacobson and Brooke Grundfest Schoepf. New York: Anchor Books, 1967. 413 p.
3. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. *Кристева, Ю.* Семиотика: Исследования по семанализу / пер. с фр. Э.А. Орловой. М.: Академический Проект, 2013. 285 с.
5. *Кристева, Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. С. 427–457.
6. *Пьеге-Гро, Н.* Введение в теорию интертекстуальности: / пер. с фр. Г.К. Косикова, В.Ю. Лукасик, Б.П. Нарумова / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
7. *Сидоренко, К.П.* От крылатого слова к интертекстеме (межуровневая проекция) // Грани слова: сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М.: ООО Изд-во «ЭЛПИС», 2005. С. 143–145.
8. *Арнольд, И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / науч. редактор П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 444 с.
9. *Мокиенко, В.М.* Интертекстемы и текст в славянских языках // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сб. докл. междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 12–14 ноября 2003 г.) / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 4–27.
10. *Илюшкина, М.Ю.* Прецедентные феномены в печатной рекламе // *Linguistica Juvenis*: сб. науч. тр. молодых ученых. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 81–92.
11. *Жуков, В.П.* Русская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1986. 310 с.
12. *Рыжкина, Е.В.* Фразеологические единицы как фактор интертекстуальности современного дискурса (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2013. № 14. С. 833–839.
13. Poets.org. URL: <https://poets.org> (дата обращения: 14.01.2020).
14. All Poetry. URL: <https://allpoetry.com> (дата обращения: 20.01.2020).
15. *Кунин, А.В.* Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. / ред. И.С. Маненок. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
16. Booksie. URL: <https://www.booksie.com> (дата обращения: 27.01.2020).

REFERENCES

1. All Poetry. URL: <https://allpoetry.com> (accessed: 20.01.2020).
2. Arnold I.V. *Semantika. Stilistika, Intertekstualnost*, ed. P.E. Buharkin. Saint-Petersburg, S.-Peterb. un-ta Publ., 1999, 444 p. (in Russian)
3. Bakhtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva*, sost. S.G. Bocharov. Moscow, Iskusstvo, 1979, 424 p. (in Russian)
4. Booksie. URL: <https://www.booksie.com> (accessed: 27.01.2020).
5. Iljushkina M.Ju. Precedentnye fenomeny v pechatnoj reklame. *Linguistica Juvenis: Sb. nauch. tr. molodyh uchenyh*. Ekaterinburg, 2004, Vol. 4, pp. 81–92. (in Russian)
6. Khudolej N.V. Intertekstualnost i intertekst kak fenomeny hudozhestvennoj kommunikacii: teoreticheskij aspect. Tambov, *Gramota*, 2015, No. 11, pp. 195–198. (in Russian)
7. Kristeva Ju. “Bahtin, slovo, dialog i roman”, in: *Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k post-strukturalizmu*, tr. from French by G.K. Kosikov. Moscow, Izdatelskaja gruppa “Progress”, 2000, pp. 427–457. (in Russian)
8. Kristeva Ju. *Semiotika: Issledovanija po semanalizu*, tr. from French by Je.A. Orlova. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2013, 285 p. (in Russian)
9. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka*: Ucheb. dlja in-tov i fak. inostr. jaz., 2-e izd., pererab., ed. I.S. Manenok. Moscow, Vyssh. shk., Dubna, Izd. centr “Feniks”, 1996, 381 p. (in Russian)
10. Levi-Strauss C. *Structural Anthropology*, tr. from French by Claire Jacobson and Brooke Grundfest Schoepf. New York, Anchor Books, 1967, 413 p.
11. Mокienko V.M. “Intertekstemy i tekst v slavjanskih jazykah”, in: *Sb. dokl. Mezhdunar. nauch. Konf.: Intertekst v hudozhestvennom i publicisticheskom diskurse*, ed. S.G. Shulezhkovej, Magnitogorsk, 12-14 nojabrja, 2003 g. Magnitogorsk, MaGU, 2003, P. 4–27. (in Russian)
12. Piégay-Gros N. *Vvedenie v teoriju intertekstualnosti*, translated from French by G.K. Kosikov, V.Ju. Lukasik, B.P. Narumov. Obshh., ed. i vstup. st. G.K. Kosikova. Moscow, LKI Publ., 2008, 240 p. (in Russian)
13. Poets.org. URL: <https://poets.org> (accessed: 14.01.2020).
14. Ryzhkina E.V. Frazeologicheskie edinicy kak faktor intertekstualnosti sovremennogo diskursa (na materiale anglijskogo jazyka), *Kognitivnye issledovaniya jazyka*, Tambov, 2013, No. 14, pp. 833–839. (in Russian)
15. Sidorenko K.P. “Ot krylatogo slova k interteksteme (mezhurovevaja proekcija)”, in: *Sbornik nauchnyh statej k 65-letiju prof. V.M. Mokienko*. 2005, pp. 143–145. (in Russian)
16. Zhukov V.P. *Russkaja frazeologija*. Moscow, Vyssh. shk., 1986, 310 p. (in Russian)

Еремина Екатерина Сергеевна, аспирант, кафедра фонетики и лексики английского языка, Московский педагогический государственный университет, ekat.e.irem@mail.ru

Eremina E.S., Post-Graduate Student, English Phonetics and Lexicology Department, Moscow Pedagogical State University, ekat.e.irem@mail.ru

Лаврова Наталия Александровна, доктор филологических наук, доцент, доцент, кафедра фонетики и лексики английского языка, Московский педагогический государственный университет, lavruscha@gmail.com

Lavrova N.A., ScD (in Philology), Associate Professor, English Phonetics and Lexicology Department, Moscow Pedagogical State University, lavruscha@gmail.com